

Лидия Чарская

Вторая Нина

Лидия Чарская

Вторая Нина

«Public Domain»

1909

Чарская Л. А.

Вторая Нина / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1909

Пожалуй, эту повесть можно было бы назвать «Пятнадцать лет спустя». В ней вы узнаете о дальнейшей судьбе уже знакомых героев и познакомитесь с новыми. События развиваются столь же стремительно и захватывающе, но как бы в противоположном направлении. Первая часть – на Кавказе; вторая – в Санкт-Петербурге, в уже знакомом нам Павловском институте благородных девиц. Встреча со старыми и новыми друзьями и описание их приключений доставят вам много приятных минут.

© Чарская Л. А., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

Предисловие	5
Вступление. В грозовую ночь	7
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	17
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лидия Алексеевна Чарская

Вторая Нина

Предисловие

Л. Чарская впервые побывала на Кавказе еще в бытность свою воспитанницей Павловского института, – одна из одноклассниц, грузинка, пригласила ее погостить летом в Гори. Кавказ сразу и навсегда покорила сердце будущей писательницы. Позднее, став взрослой, она снова и снова возвращалась сюда и подолгу жила то в небольших грузинских городках, то в горных аулах.

Щедрая и загадочная природа, своеобразный быт, пестрая смесь племен и наречий, романтические судьбы, неповторимый колорит героической старины, чарующие напевы и зажигательные пляски, захватывающие состязания бесстрашных джигитов – все это нашло отражение уже в ранних ее рассказах. Отдельной книгой вышли собранные Чарской на Кавказе грузинские сказки, старинные предания и поверья.

Несколько больших повестей составили своего рода «Кавказский сериал», как сказали бы сегодня, посвященный славному княжескому роду Джаваха, его юным представительницам. Наше издательство, к сожалению, пока не может опубликовать все произведения этого цикла, достойные переиздания. Для начала мы выбрали две книжки, самые популярные и любимые читателями в свое время. Это «Княжна Джаваха» и «Вторая Нина».

Первую книгу наши читатели уже получили, прочли и, надо полагать, запомнили, чем кончается повесть. Юная княжна Нина Джаваха соглашается остаться в Петербурге и продолжить учебу. Неожиданное появление в классе новенькой – Люды Влассовской, которая становится ее преданным, душевным другом, примиряет княжну и с неласковым северным городом, и с почти казарменной обстановкой в институте.

Во «Второй Нине» мы снова попадаем в княжеский дом генерала Георгия Джавахи и встречаемся с его дочерью Ниной, которой, однако, еще только предстоит отправиться в Петербург и поступить в институт... Здесь же, в доме, живет, называя князя Георгия отцом, и... Люда Влассовская, только теперь она почему-то вдвое старше Нины... Изумленный читатель вправе спросить: «Да не путаница ли все это, не ошибка ли?» Отнюдь. Ведь книга, которую вы сейчас держите в руках, не случайно называется «Вторая Нина». Вторая. Дело в том, что героев и события этих повестей разделяет целых пятнадцать лет.

Что же произошло за эти годы? Гнилой петербургский климат оказался губительным для княжны, и Георгий Джаваха потерял дочь. Верная памяти любимой подруги, Люда Влассовская по окончании института решила связать свою судьбу с Кавказом и приняла предложенное ей место гувернантки в грузинской семье. Попав в Гори, Люда, конечно же, отправляется на поиски дома, где прошло детство княжны Джавахи. Но войти туда не решается, боясь потревожить покой безутешного отца. Ведь она не знает, что князь Георгий, в свою очередь, разыскивает ее и готов назвать дочерью.

Нежданно-негаданно Люда Влассовская обретает не только названного отца, но и названную сестру – маленькую Нину. Эта девочка – дочь Бэллы и Израэла.

Помните молоденькую тетку княжны Джавахи – красавицу Бэллу? Помните, как отплясывала на ее свадьбе Нина? Так вот, когда у Бэллы и Израэла родилась дочь, ее назвали Ниной в честь незабываемой общей любимицы. Увы, словно злой рок продолжал преследовать родню князя Георгия!

Молодые, красивые, счастливые родители маленькой Нины, Бэлла и Израэл, погибли в горах во время грозы. И Георгий Джаваха дает обет заменить малютке отца. Так появилась в его доме и на страницах «кавказского сериала» вторая Нина.

Вступление. В грозовую ночь

– Быстрее, Смелый! Быстрее, товарищ! – И смуглая маленькая рука, выскользнув из-под полы косматой бурки, нежно потрепала влажную, в пене, спину статного вороного коня... Конь прибавил ходу и быстрее ветра понесся по узкой горной тропинке над самым обрывом в зияющую громадной черной пастью бездну...

Юный всадник, с головой закутанный в бурку, припал к шее своего четвероногого друга, крепче уперся ногами в стремя, сильнее и круче натянул поводья.

Гроза надвигалась. Причудливо разорванные черные тучи, пугливо толпясь и сдвигаясь, как бы прижимались друг к другу – в страхе перед тем надвигающимся таинством, роковым и могучим, что должно было произойти в природе. Предгрозовой бурный и дикий вихрь кружил в ущельях и терзал верхушки каштанов и чинар внизу, в котловинах, предвещая нечто жуткое, страшное и грозное. Казалось, не ветер свистел в ущельях, а черные джины гор и пропастей распевали свои погребальные песни...

Точно подкрадываясь все ближе и ближе мягким кошачьим шагом, надвигалась из темноты ночи непостижимая тайна стихии. И от этого ощущения тоскливо сжималось сердце всадника в бараньей бурке.

Юный всадник горячил коня задниками высоких туземных сапог-чуваков из желтой кожи и, наклоняясь к черному, как сажа, уху вороного, шептал:

– Но-но... Прибавь еще ходу, Смелый... Живее, голубчик!.. Айда! Нам надо до грозы добраться в Гори... Не то плохо придется нам с тобой! Вперед, мой Смелый! Спешу! Вперед!

Легкий взмах нагайки... Характерное гиканье... И умное, гордое животное понеслось по откосу бездны с быстротою стрелы, выпущенной из лука.

Тьма разом застлала чернотой и небо, и землю, и горы, и бездны... Дикий свист ветра превратился в сплошной могучий рев... Уже не темные джины улюлюкали в глубокой пропасти... Сам шайтан, князь бездны, скликал ночных духов на свой страшный полночный пир. Беспросветная тьма вдруг разорвалась ослепительной стрелой молнии. Оглушительный удар грома потряс каменные твердыни... Великаны-горы ответили громким протяжным стоном... Первый удар раскатился далеким эхом и пропал в беспредельности... Где-то поблизости сорвалась тяжелая гряда обвала... Осколки ее покатались в бездну, звеня и гремя, по каменистой почве...

Смелый резко остановился и замер, дрожа, фыркая и дико кося налитым кровью глазом.

Напрасно смуглая рука всадника поглаживала его взмыленную спину, а ласковый голос одобряюще шептал в уши:

– Но-но, мой милый, мой славный! Но-но! Вперед, товарищ... Скоро и Гори... Айда! Айда, Смелый!

Тщетно. Ответом было лишь тихое, тревожное ржание испуганного коня. Будто Смелый просил у хозяина прощения.

Тогда юный всадник легко спрыгнул с седла и, взяв коня за повод, повел по тропинке, осторожно шагая в ночи.

Кругом грозными великанами теснились скалы... Они казались призрачными стражами наэлектризованной душной ночи... От цветов, что росли в низинах, поднимался сюда, в горы, дурманящий, как мускус, пряный аромат, кружа голову и тревожа воображение неясными образами и туманными грезами.

Теперь оглушительные раскаты грома следовали удар за ударом – без конца и счета. Огненные зигзаги молний то и дело прорезывали крошечную тьму. Тяжелые капли дождя ударили в каменистую почву... Начался ливень...

– Великий Боже! Мы опоздали! – испуганно воскликнул юный всадник. Через минуту он был в седле, взмахом нагайки пустил коня, и тот помчался вперед – наудачу, прямо в чернеющую мглу.

Отчаянный скачок Смелого, испуганного очередным ударом грома, оказался роковым – конь и его хозяин полетели в бездну.

* * *

– Ты слышишь крик, Ахмет?

– Тише, ради Аллаха! Великий джин бездны не любит, когда люди вслушиваются в его ночной призыв...

– А ты, Сумбат-Магома, ты слышал?

– Так, господин... Но это был не крик шайтана, клянусь могуществом Аллаха, это человек взывал о помощи. – Смуглый горец покосился в беспросветную тьму ночи.

– Ты уверен в этом?

– Слушай! Ухо Сумбат-Магомы верно, как слух горного джейрана... Оно никогда еще не обманывало меня... В горах кричит человек и просит о помощи...

– Не слушай его, – смеясь, возразил тот, которого звали Ахметом, – он, как дряхлые старухи аула, склонен видеть то, чего нет, и не замечает порой того, чего не пропустят соколиные очи твоих верных абреков... Сумбат-Магома, ты грезишь наяву! Проснись!

Тот вздрогнул, схватился за кинжал, и смуглое лицо его вспыхнуло ненавистью... Бог знает, чем кончилась бы для Ахмета его неосторожная шутка, если бы тот, кого оба горца почтительно называли господином, не положил на плечо обиженного небольшую, но сильную руку.

– Спокойно, Магома! Не будь ребенком... Ахмет не хотел оскорбить тебя. Вы – кунаки, клялись друг другу в кровной дружбе... Напоминаю тебе об этом.

– Ты слишком добр, господин! – произнес Магома покорно, однако в черных глазах его, прикрытых темными длинными ресницами, искрились недобрые огоньки.

Втроем они сидели у костра в просторной пещере Уплис-цихе, или пещерного города, находившегося в семи верстах от Гори, в самом сердце Карталинии, плодороднейшей части Грузии. Неподалеку были стреножены их лошади – сильные, выносливые горские лошадки. Все трое были одеты в темные чохы с газырями на груди, в бараньи папахи и мягкие чевяки; у всех троих были заткнуты за поясами кинжалы и пистолеты, а у молодого господина, очевидно, начальника, была кривая турецкая сабля, впрочем, и все его оружие выглядело богаче и наряднее оружия товарищей. Он и внешне отличался от остальных. Лица Магомы и Ахмета были отмечены характерным выражением вороватой пронырливости, тогда как в тонких чертах его красивого лица преобладала величавая гордость. Черные глаза горели отвагой, губы прекрасного ребенка улыбались насмешливо, гордо и властно. Детская чистота и даже наивность уживались в выражении этого лица с надменностью, дерзким вызовом, и, быть может, в этом и состоял секрет его обаяния. Ему было лет двадцать пять, не больше.

Догоравшие уголья костра, осветив прощальным светом пещеру, потухли. И все погрузилось во мрак. Лишь на мгновения освещалось убежище горцев – отсветами молний.

– Пора спать, – предложил красивый горец с гордой осанкой, – на заре надо двигаться дальше. Наши ждут у истоков Арагвы... Опаздывать нельзя... Алла верды...

Сбросив с плеч суконную чоху, он разостлал ее на полу пещеры и, повернувшись лицом к востоку, стал шептать слова вечернего намаза. «Ал-иллях-иль-Алла, Магомет рас-силь-Алла!» – слышалось в темноте.

Товарищи последовали примеру начальника.

Вдруг страшный, пронзительный крик прорезал ночь.

– По-мо-ги-те!.. Спасите! – молил неподалеку от пещеры испуганный голос.

– Ты слышишь, господин? Он не ошибся! Это не джин бездны завлекает путника. Там кричит человек! – согласился, наконец, Ахмет, вскакивая на ноги.

– Может быть, богатый человек. Может быть, армянский купец из Тифлиса или Гори... – предвкушая наживу, подхватил Сумбат-Магома.

– Молчи, Магома! Или ты не знаешь, что несчастье человека, нуждающегося в помощи, не может повлечь к дурным мыслям о грабеже? Или ты, как простой душман, думаешь только о наживе?... Стыдись, Магома, высказывать то, чем черный дух смущает твою душу... Надо спешить на помощь, надо спасти человека...

И, выхватив из костра тлеющую головню при помощи двух кинжалов, ага-Керим, как звали красивого горца, мгновенно раздул ее и, освещая себе путь, выбежал из пещеры.

– Эй! Ради Аллаха! Откликнись, где ты? – перекрывая шум дождя, разносился в горах голос Керима.

Потом он замер с высоко поднятой головней в руках, дожидаясь ответа... Его друзья молча остановились за ним.

Только отдаленные раскаты грома, неизбежные спутники грозы, медленно затихая, отдавались замирающим эхом в сердце каменных утесов. Наконец, тихий стон послышался поблизости:

– Помогите! Я умираю!

– Это не наш! Это урус просит о помощи! Брось его погибать, как собаку! – возбужденно заговорил Ахмет, приближаясь в темноте к Кериму.

– И урусы, и мусульмане, все люди равны перед лицом Аллаха! – раздался во мгле гортанный голос Керима.

И с поднятой головней он бросился к тому месту, откуда слышался стон. Какое-то черное существо, уцепившись за сук архани, старалось удержаться на откосе бездны.

– Кто ты? – крикнул Керим по-лезгински.

Только глухой стон был ему ответом.

– Кто ты, назовись, во имя Аллаха, если ты жив! – крикнул горец – уже по-русски.

Из-под черной бурки выглянуло бледное, как смерть, юное лицо, и дрожащий голос прошептал:

– Мне плохо... У меня сломана рука... Помогите... – и голосок бедняги сорвался в мучительный стон.

– Сумбат-Магома... Ахмет... Мои верные друзья! Сюда! Скорее, ко мне на помощь... Мальчик умирает! – вскричал Керим, бросаясь к погибающему.

Подобравшись к нему, Керим быстро взвалил на плечи небольшую и легкую, как перышко, фигурку и понес к пещере.

Ахмет и Сумбат-Магома последовали было за своим господином, как вдруг глаза их, пронзительные и зоркие, как у кошек в темноте, заприметили погибшего коня с дорогим седлом, под расшитой шелками попоной. Сумбат-Магома, не раздумывая, устремился за добычей. Седло он взял себе, а попону подарил Ахмету – в знак примирения.

Яркий свет костра снова освещал пещеру. У самого огня лежал юный путник, спасенный Керимом. Юноша все еще не пришел в чувство. Высокая белая папаха с атласным малиновым верхом была низко надвинута на лоб... Тонкий прямой нос с горбинкой, полураскрытый алый рот с жемчужной подковкой зубов. Длинные ресницы, черные, сросшиеся на переносице брови подчеркивали белизну кожи. Лицо казалось воплощением строгой юношеской красоты.

Керим-ага долго стоял, любуясь юношей или скорее мальчиком, потому что на вид ему было не более четырнадцати, пятнадцати лет. Потом он быстро обернулся к Сумбат-Магоме и коротко приказал:

– Набери воды в горном источнике в свою папаху, Магома, и принеси сюда скорее.

– Слушаю, господин! – отвечал тот почтительно и бросился исполнять поручение.

Тотчас же он вернулся со студеной ключевой водой. Керим-ага поспешил снять папаху с бесчувственно распростертого перед ним мальчика, чтобы смочить ему лицо и голову, и... общий крик изумления огласил низкие своды пещеры.

Из-под высокой бараньей папахи скользнули две черные и блестящие девичьи косы!

Перед Керимом и его друзьями лежала красивая девушка или, вернее, девочка-подросток того истинно кавказского типа горянки, который встречается только в лезгинских аулах Дагестанских гор.

Словно разбуженная неожиданным криком, девочка пришла в себя и открыла глаза...

Ни страха, ни испуга не было в этих горящих, как звезды, глазах при виде незнакомых мужчин.

– Где я? – спросила черноглазая девочка по-лезгински, задержав взгляд на красивом характерном лице горца.

– В Уплис-цихе, красавица! – отвечал тот, – в пещерном городе, где жил когда-то могучий и смелый народ картли...

Едва дослушав ответ, она обратилась к Кериму с новым вопросом:

– Кто вы?

– Разве ты не знаешь, красавица, что в горах Кавказа не спрашивают имени встречного? Ведь я не спрашиваю тебя, почему ты, девушка, носишься в такую ночь в горах, одетая джигитом?

– Напрасно! – воскликнула девочка, и черные глаза ее сверкнули чуть заметной усмешкой. – Только барантаци и душманы скрывают свое имя... а я... я племянница и приемная дочь знатного и известного русского генерала, князя Георгия Джавахы, я могу сказать мое имя – меня зовут Нина бек-Израэл.

Бледное личико выражало столько гордого достоинства, что горцы могли не сомневаться в том, что она сказала правду о своей принадлежности к знатному аристократическому роду.

– Я не останусь в долгу у тебя, княжна, – произнес со своей обычной тонкой усмешкой Керим, – и также назову себя, чтобы не слышать от слабой женщины, почти ребенка, упрека в трусости: не простой барантач пред тобой, красавица. Я – Керим-Самит, бек-Джемал, из аула Бестуди.

Едва молодой горец договорил, бледное личико девочки вспыхнуло ярким румянцем.

– Бек-Джемал-Керим, вождь душманов? Глава разбойничьих шаек, наводящий ужас чуть не на весь Кавказ? Тот, за поимку которого назначена огромная сумма, которого ищут казаки в горах, для которого давно приготовлена тюрьма, Керим-Джемал-ага – ты?!

– Я! – спокойно подтвердил красивый горец и, скрестив руки на груди, смотрел в лицо Нины, пожалуй, наслаждаясь впечатлением, произведенным на нее его словами.

– Ты? – только и могла выговорить княжна, – ты – Керим, тот Керим, который грабит мирных путников, врывается в селения добрых людей и...

– Это ложь! – воскликнул молодой бек и топнул ногой, обутой в мягкий чупак, – это ложь! Кто говорил тебе все это, княжна?

– Кто говорил! – пылко подхватила Нина, и большие, выразительные глаза ее загорелись беспокойными огоньками. – Дядя Георгий говорил мне это, моя старшая названная сестра Люда говорила, знакомые, слуги, все... все... Весь Гори знает твоё имя, твои ужасные подвиги... Весь Гори говорит о том, как ты проливаешь кровь невинных... Говорят...

– Они лгут! – сумрачно произнес бек-Джемал. – Видит Аллах, они лгут! Керим-бек – не барантач-душегуб, не разбойник. Керим не жаждет наживы. Он пальцем не тронет честного горца... Только тех, кто нажил себе богатство ценой крови и обмана, тех не пощадит Керим... и выпустит нищим байгушем из своих рук... Я бы мог высказать тебе еще много истин, но Пророк свидетель: не было еще случая, чтобы Керим оправдывался перед кем-либо, а тем более перед лицом девушки, ребенка... Помолчим об этом... Да и отдыхать время... Гроза миновала. Звезда Ориона зажглась на небе, и тихий ангел сна приблизился к природе. Спи, княжна. Боль утихнет за ночь, и ты проснешься с зарей, свежая и прекрасная, как роза Востока...

Керим ласково кивнул княжне.

– За ночь... Но разве я должна буду провести ночь здесь?

– Или ты боишься? – тонко усмехнувшись под своими черными усами, спросил Керим.

– Я ничего не боюсь, – гордо произнесла девочка. – Нина бек-Израэл не знает, что такое страх... Я не хваюсь, Керим, хвастливости не было еще в роду нашем. Ты сам говоришь, что ты родом из аула Бестуди. Значит, ты должен знать моего деда, старого Хаджи-Магомета...

– Чудесный старик ага-Магомет, да продлит Аллах его род до конца Вселенной! – почтительно произнес молодой горец.

– Увы, Керим! Богу не угодно было продлить род дедушки Магомета... Он не имел сына...

– Но зато у него были дочери, прекрасные, как гурии из садов Пророка. Ребенком я видел их и запомнил...

– Они умерли обе. Умерли, уйдя навсегда из аула... и сделавшись христианками. Я – дочь одной из них, дочь Бэллы, впоследствии Елены бек-Израэл...

Не детская, отчаянная печаль прозвучала в голосе молоденькой княжны. Горцы с невольным участием взглянули на нее.

Потом Нина нахмурилась, отчего черные, густые брови ее почти сошлись на переносице, и произнесла глухо, пряча взгляд, затуманенный слезами:

– Ты спас мне жизнь, Керим-ага, и я всей душой благодарна тебе за это. Мне жаль, что я не могу позвать тебя в дом моего дяди и приемного отца, как кунака-гостя, и отблагодарить тебя, как следует... Ведь ты не придешь... А денег у меня нет с собой...

– Денег я не возьму от тебя, княжна; у Керима и без тебя много желтых туманов,¹ драгоценного оружия с золотыми насечками... Его сакля полная чаша... ему ничего не надо, а если он пожелает, его верные слуги и друзья добудут ему сколько угодно богатства... Но отказываться от гостеприимства не позволил Пророк. Я приду в твой дом. Жди меня, княжна.

И снова он усмехнулся лукаво и дерзко.

Потом, наклонившись к девочке, заботливо предложил:

– Если рука твоя еще болит, – проводи ночь в этой пещере. Мои друзья и я будем охранять твой покой; если же ты в состоянии ехать в Гори, на моем коне, я довезу тебя до твоего дома...

– Но тебя могут увидеть и...

Нина вздрогнула при одной мысли о том, что могло ожидать ее спасителя в Гори.

– Полно, дитя! Ноги Керима-бека-Джемала могут сравняться в скорости разве лишь с ногами горного тура, а зоркие очи его издали видят опасность... Садись на моего коня, княжна. Я отвезу тебя в твой дом.

– На твоего коня? А где же мой конь? Мой Смелый? – встревоженно спросила Нина.

¹ Туманы – золотые монеты.

– Твой конь менее счастлив, нежели ты сама. Он лежит мертвый на дне ущелья. Вы упали с ним с высокого откоса, княжна, и не запутайся ты в кусте архани, – тебя постигла бы участь твоего коня – ты бы разбилась вдребезги.

Нина вздрогнула и побледнела.

Она была на краю гибели и почти не сознавала этого. А ее конь, ее бедный конь погиб. Спазмы сжали ей горло... Слезы обожгли глаза.

– Бедный Смелый! Бедный товарищ! – произнесла она тихо.

Она подняла руку к глазам, на которых выступили слезы, и тихо вскрикнула. Рука болела и ныла нестерпимо. Со стоном она упала на бурку.

Стараясь скрыть слезы, вызванные и горем, и болью, Нина произнесла с заметным усилием:

– Мне необходимо в Гори... Домой скорее... Там ждут... Беспокоятся... и потом, рука... ах, как болит рука!..

– Через полчаса ты будешь дома! – решительно пообещал Керим.

Быстро взнуздав и оседлав свою лошадь, он помог Нине подняться и бережно усадил девушку в седло.

Сумбат-Магома и Ахмет в почтительном молчании помогали своему господину. В глазах обоих душманов сквозило непритворное недоумение. Впервые, вопреки обычаю, Керим выпускал из своих рук богатую добычу, не взяв даже самого маленького пешкеша (дара, выкупа). Они, однако, успокоились, вспомнив, что в их руках остаются нарядное шитое шелками и золотом седло с мертвой лошади и дорогая попона. Но Керим-ага точно угадал их мысли. Его взгляд упал на Сумбата, который не успел еще спрятать своей добычи, и он коротко приказал:

– Отдай седло его хозяйке!

– Нет, нет! Оставьте его у себя! Прошу тебя, Керим, – горячо возразила Нина, – пусть это будет память обо мне...

– От подарков отказываться не смею по обычаю лезгинского племени, – важно произнес молодой горец, – но и сам не хочу оставаться в долгу. Возьми взамен, княжна, вот эту вещь.

Выватив из-за пояса небольшой дагестанский кинжальчик с богатой насечкой, усыпанный драгоценными камнями, Керим передал его девочке.

– Пусть это утешит тебя хоть отчасти за потерю коня! – добавил он ласково.

Нина вспыхнула от удовольствия. Кинжал храбреца Керима! Того самого Керима, слава о смелости которого гремела по всей Карталинии, того Керима, которого воображение рисовало героем, имя которого втайне восхищало ее...

Если потеря Смелого была для Нины тяжелым ударом, то подарок Керима, этого страшнейшего из душманов, этого рыцаря гор, конечно, немного утешил княжну в ее печали. Она дружески простилась с товарищами своего спасителя, такими же душманами, как и Керим, и, посаженная ими на его коня, выехала из пещеры. Молодой горец поместился позади нее, в широком седле.

Гроза давно миновала... Последние раскаты грома замолкли. Темная кавказская ночь заволокла горы... Яркая, горящая и светлая, как солнце, звезда Ориона засветилась высоко на восточном небе...

Керим сказал правду. Не прошло и получаса, как они были в предместье Гори.

У самого дома князя Джаваха молодой душман опустил свою спутницу на землю и, шепнув ей еще раз: «А ты все-таки жди меня в гости, княжна!» – быстро повернул коня и скрылся из виду.

Часть первая СРЕДИ ГОР, ДОЛИН И УЩЕЛИЙ

Глава первая ПЕРЕПОЛОХ. СЧАСТЛИВА ЛИ НИНА?

Она вернулась!

– Она здесь!

– Отец! Отец! Она вернулась!

– Где она? Нина! Сердце мое! Где ты?

Я иду по чинаровой аллее, или нет, я не иду даже, а точно какая-то сила несет меня... В доме огни... Весь дом освещен. Меня ждали... Обо мне тревожились... Вот огни ближе... Кто-то выбежал на крыльцо... Кто-то стремится навстречу по чинаровой аллее... Что-то белое, воздушное... точно легкое видение или греза...

– Люда! Ты?

– Нина! Нина! Любимая! Кто же пугает так? Нина! Господь с тобой, девочка! Что ты сделала с нами! Отец...

– Что с ним, Бога ради? Да говори же, Люда!

– О, он беспокоился. Ужасно!

– Бедный отец! Беги к нему, Люда, скажи ему, что я жива, здорова!

– Идем вместе! Скорее! Скорее, Нина!

Она обнимает меня за плечи, берет за руку...

– О!..

Я не в силах сдержать этот стон. О, как мучительно ломит руку... Точно все кости сломаны вдребезги. О! Какая безумная боль!..

– Что с тобой, Нина, сердце мое?

Глаза Люды, огромные и горящие в темноте, как алмазы, полны ужаса.

– Ничего! Ничего! Успокойся! Просто вывихнула немного руку – и только.

– Вывихнула! О, Боже!.. Доктора! Доктора скорее! Сандро... Маро... за доктором! Бегите!

Какая смешная женщина эта Люда! Она не может без страха видеть простой царапины... А уж о вывихе руки говорит точно о смерти... И отца взволнует. Отец узнает...

Я изо всех сил стискиваю зубы, чтобы снова не застонать от мучительной боли. Сандро вихрем проносится мимо нас. Я знаю – сейчас он поскачет за доктором. Старый Микахо бежит с фонарем. Маро несет теплую бурку Люды... Нечего и надеяться! Тотчас начнутся расспросы, упреки, жалобы!

– Папа!

Он стоит в дверях нашего дома, типичного старого грузинского дома с плоской кровлей, на которой хорошенькая, но вечно сонная Маро сушит виноград и дыни... Таких домов уже немного осталось в Гори, который приобрел с годами вполне европейский вид. Волнистые пряди седых волос отца красиво серебрятся в свете выплывшего из-за туч месяца. Темные глаза смотрят прямо в мои глаза с ласковым укором.

– Дитя! Дитя! Как ты нас напугала! Сокровище мое!

Он протягивает руки, и я падаю в его объятия. Он радостно вздрагивает... Он так не привык к моей нежности, бедный папа... Я не умею ласкаться... Я слишком дика и сурова по натуре... Но сегодня мои нервы слабы, как у тяжело больной... Мне, как малому дитяти,

хочется ласки, покоя, забвения. Да и гибель Смелого не дает покоя, я чувствую свою вину, и на сердце у меня тяжесть, ужасная тяжесть! И я прижимаюсь к этой сильной, все еще могучей старческой груди, – груди прославленного в боях воина, и мне становится хорошо... но вместе с тем и тоскливо.

«Сейчас, сейчас начнется, – думаю я, – сейчас пойдут расспросы: Где ты была? Почему не верхом?»

И, чтобы отделаться от них, я выпаливаю разом:

– Папа! Я вывихнула руку.

Он тихо вскрикивает... Быстро оглядывает меня и, должно быть, пораженный моей бледностью и усталым видом, ведет или, вернее, почти несет меня в дом, не выпуская из объятий.

В большой комнате, устланной циновками и коврами, с бесчисленными тахтами, заваленными подушками и мутаками,² светло и уютно... Большая висючая лампа над круглым обеденным столом светит приветливо и ясно. В открытые окна льется пряный и сладкий аромат магнолий и роз, которых так много в чинаровых аллеях...

Но сегодня этот, так сильно любимый мною запах, почти неприятен... Он кружит голову, дурманит мысль... Какой-то туман застилает глаза. Неодолимая сонливость сковывает меня всю. А боль в руке все сильнее и сильнее. Я уже не пытаюсь сдерживать стонов, они рвутся из груди один за другим... Голова клонится на шелковые мутаки тахты. Отец, Люда, Михако и Маро – все расплываются в моих глазах, и я теряю сознание...

Адская боль в плече возвращает меня к действительности. Старичок-доктор, друг и приятель отца, наклоняется надо мной и льет мне на руку студеную струю ключевой воды.

– Ну! Ну! Не буду вас больше обижать, барышня, – говорит он успокаивающим тоном, каким обыкновенно говорят с детьми и больными, – теперь спите с миром...

– Спи, моя крошка! Спи, мое сокровище! – слышится другой ласковый голос.

Тонкая, красивая рука моего отца-дяди крестит меня; мягкие, шелковистые усы щеко-чут мою щеку...

– Спи, мое солнышко!

Я почти машинально возвращаю поцелуй и закрываю глаза... Но спать мне не хочется. Мастерски вправленная доктором, забинтованная рука не болит больше. Приятное тепло разливается под влажной повязкой... Боль не возвращается... Только пульс бьется четко и сильно на месте вывиха.

Отец, прежде чем выйти из комнаты, останавливается у рабочего столика, за которым Люда сшивает новый бинт для компресса. Он говорит тихо, но я все-таки слышу, что он говорит:

– Ты не знаешь, где она оставила лошадь?

– Не знаю, папа! Разве от Нины дожدهшься объяснений?

– Бедная девочка! Вывих ужасен. Как это случилось?

– Папа! Милый! Разве вы не знаете Нину? Разве она скажет когда-нибудь, если что с ней случится? – шепотом говорит Люда.

– Да, да! Ты права! Она не в мать. Бэлла была простосердечна и наивна, как ребенок. Да и Израэл не отличался скрытностью. Может быть, трагическая смерть обоих так подействовала на девочку, что... Не думаешь ли ты, Люда, что судьба словно бы преследует весь наш род?.. Дом Джаваха несет на себе какую-то печать проклятия... Моя бедная Мария, потом Юлико, мой племянник, последний отпрыск славного рода, оба умершие от одного и того же недуга, страшной чахотки... потом свет моей жизни, моя кроткая полночная звездочка, моя родная дочурка Нина... и наконец, эта жизнерадостная, полная жизни и молодости чета

² Мутаки – валики на тахте.

родителей малютки-Нины... Что если и девочка... Мне страшно подумать, Люда, если... если... Ведь если она – моя вторая нареченная дочка, живое напоминание о моей первой и единственной родной дочери... если она...

Отец не договорил... Его седая голова бессильно склонилась на плечо Люды.

– Папа! Милый папа! – послышался успокаивающий голос моей названной сестры.

Мне хотелось выскочить из постели, куда меня перенесли во время моего обморока, хотелось утешить, успокоить отца, сказать ему, что я люблю его, что его тревога – моя тревога, его горе – мое горе, но я молчу, упорно молчу.

О, если бы я умела плакать и ласкаться!

Потом они вышли, предупредительно прикрыв абажуром лампу и бросив на меня тревожные, испытующие взгляды. Они думали, что я заснула... Но я не могла спать...

Милый, дорогой отец! Я никогда не отплачу тебе такую же бесконечной, беззаветной любовью, какой ты окружил меня. Я дурная, злая девочка! Я это знаю... Мне никогда не быть похожей на ту, которая была твоим утешением, никогда я не заменю тебе маленькой, давно умершей кузины, сходство с которой ты находишь во мне...

Княжна Нина Джаваха! Милая красавица-княжна! Я знаю тебя, хотя никогда не видала. Я знаю тебя так хорошо, так прекрасно! Люда прочла мне твой дневник, когда я была еще совсем маленькой девочкой, и с тех пор я дала себе слово во что бы то ни стало сделаться похожей на тебя, милый, черноокий ангел... Ты была звездой души дяди Георгия, и утрата сделала серебряными его черные кудри. И я решила воплотить тебя собой, вернуть дяде Георгию, моему названному отцу, его дочь в моем лице, в лице второй Нины... Но мне это удается плохо... Маро говорит, что в меня временами вселяются черные джины и мутят мою душу... Михако, знавший кузину Нину, толкует постоянно, что она была ангелом, посланным на землю, чтобы дать неземное счастье тем, кто ее окружал... А я...

Что я такое?

Почему, когда я хочу быть кроткой и доброй, сердце мое вдруг переполняется злобой и тоской? Почему я не терплю узды над собой, и малейшее запрещение возбуждает мою непокорность и заставляет меня делать назло? Говорят, мои родители, которые были убиты грозой в горах в одну из прогулок, мои родители-горцы из аула Бестуди, принявшие христианство и обрусевшие в доме дяди, были кротки, веселы и простосердечны, как дети. Говорят, я похожа на отца, но только лицом... Говорят, характер у меня в дедушку Хаджи-Магомета, который изредка наезжает к нам в Гори и так балует и ласкает меня... Во мне течет кипучая кровь моих предков – лезгинов из аула Бестуди и, странно сказать, мне, приемной дочери князя Джаваха, мне, нареченной и удочеренной им княжне, более заманчивым кажется житье в сакле, в диком ауле, над самой пастью зияющей бездны, там, где родилась и выросла моя черноокая мать, нежели счастливая, беззаботная жизнь в богатом городском доме моего названного отца! Да, отца, потому что, когда я осиротела так внезапно, дядя поклялся заменить моих родителей и заботиться обо мне до конца жизни, несмотря на то, что у него уже была тогда приемная дочь, которую он любил всей душой, всем сердцем. Эта приемная дочь – Люда, лучшая... нет, единственная подруга безвременно умершей родной дочери князя Георгия – Нины, та самая Люда Влассовская, которой Нина посвятила в своем дневнике многие страницы, исполненные горячей любви и бесконечной дружбы...

Я завидую Люде. Она испытала столько, сколько другая не переживет за всю жизнь. Но больше всего завидую я ей в том, что она знала так близко ту Нину, образ которой я беззаветно люблю.

Хорошая, дорогая Люда! Сколько лет прошло с тех пор, как Нина переселилась в лучший мир, а Люда до сих пор не может удержаться от слез, когда говорит про нее... Она, Люда, утверждает, что, очевидно, судьба связала ее с Ниной, судьба подсказала ей принять

по окончании института место на Кавказе, судьба помогла случайно встретить князя Георгия, который стал ей отцом и другом, сделал ее своей приемной дочерью...

Это ей, Люде, в самом начале своего пребывания на Кавказе удалось убедить моих родителей принять христианство... Разгневанные лезгины, во главе с муллою, чуть было не убили ее за это, но добрая Люда не помнит зла...

Как счастлива должна быть Люда, что на ее долю выпало пережить столько!..

Впрочем, сегодня и я, переживая потерю Смелого, все-таки чувствую себя неожиданно счастливой... Я испытала грозу в горах, такую же грозу, от которой погибли мои отец и мать... Я была на краю гибели и видела Керима... Жаль Смелого!.. Жаль бесконечно, но без жертв обойтись нельзя... Чтобы видеть Керима, этого страшного для всех удальца-душмана, можно пожертвовать конем...

Видеть Керима, за поимку которого назначена сумма, на которую можно завести целое хозяйство зажиточного грузина, – Керима, для которого широко раскрыты двери горийской тюрьмы, и я видела этого героя-абрека, говорила с ним! Он подарил мне бесценный подарок, он обещал прийти... «Жди меня в гости, княжна!» Так он сказал на прощанье...

О, славный, бесстрашный джигит Керим! Как бы я хотела быть хоть отчасти на тебя похожей! Почему я не мальчик! Не мужчина! Если бы я была мужчина! О! Я сорвала бы с себя эти девичьи одежды, без сожаления остригла мои черные косы и, надев платье джигита, убежала бы в горы, к Кериму. Я сказала бы ему:

– Позволь мне остаться с тобой! Я знаю, что ты не проливаешь человеческой крови, что ты берешь пешкеш только с тех, кто нажил свои деньги нечистым путем. Ты сказал так, и я верю тебе! Возьми меня к себе... Я люблю горы, люблю бездны! Я презираю опасность! Я умею джигитовать и целые сутки могу провести в седле! Я хочу быть абреком и джигитом! Я хочу жить в горах. Моя кровь кипит, желая подвигов. Тихие долины Карталинии с их зелеными виноградниками и кукурузными полями не для меня, пойми! О, храбрый, отчаянно смелый Керим! Придти в Гори, в дом князя Джаваха, когда этот князь мог арестовать его и бросить в тюрьму! Разве это не смелость?!

Не помня себя, я вскочила на ноги, совершенно забыв о том, что доктор предписал мне полный покой, и, подбежав к окну, распахнула его настежь... Чудная, мягкая и нежная, как бархат, ночь вошла в мою комнату запахом роз и магнолий... Воздух, разряженный грозой, стал чист и свеж, как хрустально-студеная струя горного источника...

Прекрасная звезда Востока одиноко сверкала в темном небе горящим алмазным оком... Чинары и каштаны перешептывались в саду, и в их дружном шепоте мне слышалось какое-то чудесное старое сказанье... А где-то вдали, за извилистой Курой, печально и сладко, серебряной трелью заливался соловей...

«Жди меня в гости! Жди меня! Жди меня!» – слышалось мне и в серебристой трели, и в шепоте вековых чинар, и в аромате роз и магнолий.

«Жди меня!» – повторяли каштаны старого сада.

«Жди меня!» – сверкала ослепительно яркая звезда Ориона.

– Да! Да! Я жду тебя, Керим! Я хочу быть такой же смелой и отважной, как ты! – хотелось мне крикнуть в темноту ночи. – Научи меня этому, Керим, и, клянусь тебе, ты не пожалеешь своих трудов. Нина бек-Израэл клянется тебе!

Прошептав бессвязную речь засохшими от жара губами, я снова юркнула в постель... Сердце мое билось... Голова горела. У меня была тайна, тайна знакомства с Керимом, и я гордилась ею – моей первой серьезной тайной, неведомой самым близким, дорогим людям.

Моя первая важная тайна и радовала, и беспокоила меня.

Глава вторая ЛЮДА. ОТЕЦ. ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Далекие горы утопали в розовом мареве предутреннего света... Мулла-муэдзин³ давно прокричал свой гортанный призыв с минарета⁴... Дневные цветы жадно раскрылись навстречу солнечному лучу... Из азиатской части города, оттуда, где на базаре закипала обычная рыночная суeta, долетали крики и говор, характерный восточный говор кавказского племени.

Гори просыпался...

И я проснулась вместе с Гори и солнцем, разбуженная щебетом какой-то пичужки, приютившейся на соседнем с моим окном азалиевом кусте...

Все, происшедшее со мной вчера, казалось мне теперь странной фантастической сказкой. Гроза... гибель Смелого... Уплис-цихе и Керим-ага. Моя жадная до впечатлений пылкая душа лезгинки (да, лезгинки по происхождению и крови) ликовала, сердце трепетало, как пойманная птица... Боль в руке прошла, прошла бесследно... Полное таинственной прелести вчерашнее приключение занимало меня. Безумная радость от сознания, что мы кунаки с самим Керимом-ага, не давала покоя. Кунаки, конечно! Мы обменялись подарками. Я отдала ему седло погибшего Смелого, а он подарил мне свой дагестанский кинжал! Мой кинжал! Я успела его скрыть от глаз наших и теперь, быстро вытащив из кармана бешмета, поднесла к губам...

В дверь постучали... Едва я успела быстрым движением сунуть кинжал под подушку, как в комнату вошла Люда.

Люда всегда поднимается с зарей и каждое утро приходит будить меня. Я не люблю этих посещений, хотя люблю Люду всей душой.

Ей около тридцати четырех – Люде, моей воспитательнице, заменившей мне покойную мать, между тем по виду она кажется немногим старше меня, пятнадцатилетней девочки... Все в доме называют Люду ангелом – за ее доброту. Но доброта раздражает меня порой... Мне кажется, что нельзя быть такой доброй и кроткой, и что Люда такова только ради того, чтобы ее любили... Да простит мне Господь подобные мысли!

– Ты не спишь, Нина? – спрашивает она.

– Как видишь! – отвечаю я почти не скрывая раздражения.

Мне досадно, что моя названная сестра и воспитательница вошла ко мне, когда я собиралась полюбоваться подарком Керима.

– Слушай, Нина, – заговорила Люда, присаживаясь на край постели и не замечая, кажется, моего дурного настроения. – Я пришла поговорить серьезно.

– Серьезно? – делаю я большие глаза, и насмешливая улыбка кривит мои губы, – но ведь ты всегда не иначе, как серьезно, говоришь со мной, Люда!

– Перестань насмехаться, Нина, – говорит она, силясь придать строгое выражение своему милому лицу. – Я хотела поговорить с тобой об отце. Ты не любишь его, Нина!

– О!..

В этом «О!» выражается все: и гнев, и негодование, и обида. Но этим «О» и исчерпывается дальнейшее объяснение. Я слишком горда, чтобы оправдываться и спорить. Я не умею выражать свою любовь, признательность, благодарность... И ласкаться я также не умею...

³ Мулла-муэдзин – магометанский священник.

⁴ Минарет – башня при мечети – магометанском молитвенном доме.

В этом я не виновата, Бог свидетель тому. Кровь моего племени – племени моих родителей и предков – создала меня такой.

– Ты не любишь твоего отца, нашего нареченного отца, – поправились Люда, – если бы ты знала, как его тревожит вчерашнее происшествие, твоя вывихнутая рука... Исчезновение Смелого, словом, тайна, которой ты окружила себя... И заметь, Нина, отец так деликатен, что никогда не спросит тебя об этом...

– Однако меня спрашиваешь об этом ты! – не могу не улыбнуться я, глядя в глаза моей воспитательницы. – Милая Люда! Я вполне понимаю тебя, – продолжаю я уже серьезным и даже торжественным голосом, – я понимаю твои страхи и заботы. Еще бы, разве это не странно? Приемная дочь, узаконенная княжеская воспитанница и племянница, аристократка, носится по горам, как юноша-джигит, в рваном бешмете, совершая далекие поездки в окрестности Гори, попадает под грозу и ливень и возвращается пешком, с вывихнутой рукой... Вы правы, тысячу раз правы, Люда! Я – мальчишка, необузданная дикарка, словом, – все то, чем вы справедливо считаете меня, ты и отец. Я упала со скалы в ущелье, вывихнув себе руку... и насмерть загнала Смелого...

– Ах!

Люда всплеснула руками. В ее чудных, как две спелые черешни, черных глазах – выразился неподдельный ужас...

– Смелый умер! – воскликнула она, – и тебе не жаль его, Нина?..

Мои глаза на миг наполняются слезами. Но только на миг, не больше. Я не умею плакать и считаю слезы позором.

– Сердце мое, Люда! Звездочка моя восточная! – говорю я, насколько умею ласково и сердечно, – скажи папе все это и не заставляй меня исповедоваться перед ним!

«Сердце Люда» укоризненно качает головой... Потом целует меня и уходит, спеша успокоить дядю Георгия. Милая Люда! Она добра, как ангел. Но что значит доброта Люды в сравнении с храбростью Керима?

Я быстро вскакиваю с постели, обливаюсь холодной водой, принесенной Маро. Пока я умываюсь, Маро стоит предо мной – со своим неподвижным, сонным лицом, какое бывает только у замужних грузинок, и с укором смотрит на меня черными бархатными глазами.

– Нехорошо, княжна... – вяло произносят ее пурпурные губки, – коня загоняла... ручку испортила... пешей вернулась... Батоно-князь тревожился, очень тревожился батоно... Ручка болит, на балу плясать не будешь... Бал на неделе, а ручка испорчена... Нехорошо, джан,⁵ нехорошо, голубка!

– Нет, буду плясать на балу, Маро. Рука пройдет, заживет до свадьбы, – смеюсь я. – И ты будешь плясать, Маро, лезгинку на нашем балу плясать будешь!

– Что ты, что ты, княжна! – лепечет она в неподдельном ужасе. – Маро плясать нельзя. Маро замужняя... Муж узнает – бить будет, досмерти забьет Маро...

– Не забьет, увидишь! Ты хорошенькая, Маро, прелесть какая хорошенькая! Очи как у газели, уста – розовые кусты! А ты видела Керима, Маро? Керима, вождя душманов? – неожиданно, помимо собственной воли, выпаливаю я.

Она вздрагивает, как под ударом хлыста. Лицо разом дурнеет от исказившего черты выражения дикого ужаса.

– Керим! Керим! – бормочет Маро в страхе, роняя из рук глиняный кувшин. – Святая Нина, просветительница Грузии, святая, мудрая царица Тамара! Зачем произносишь ты это имя, княжна-джан? На нем кровь и смерть. Избави Господь каждого христианина от встречи с Керимом-душманом!

Испуганное лицо Маро, говорившей о Кериме, рассмешило меня.

⁵ Джан – душенька.

«А знаешь ли ты, что я встретила Керима? Он даже кунак мой!» – чуть не огорошила я сонную Маро.

Но вовремя удержалась и, плеснув в ее хорошенькое личико студеной водой, крикнула со смехом: «Ну и трусиха же ты!» и со всех ног кинулась из комнаты – пожелать доброго утра отцу.

Все дрожит в моей душе, все трепещет.

Непривычная к шуткам и смеху, я сегодня шутила и смеялась с Маро. Это так необычайно, ново, что я не узнаю себя.

Это не веселый смех... не может он быть веселым, когда на душе моей камнем лежит гибель Смелого...

Но что делать, если слез не дано моей душе?

Что делать, если мое сердце черство и сурово, как каменная глыба гор?

Мой нареченный отец сидит в столовой. Перед ним дымится в прозрачной фарфоровой чашечке вкусный, крепкий турецкий мокко. На тарелках разложены соленый квели,⁶ настоящий грузинский, который мастерски готовит Маро и который не переводится в нашем доме испокон века, пресные лаваш и лобио. Кусок персикового пирога остался, видно, от вчерашнего ужина.

При виде любимого кушанья я почувствовала волчий аппетит и, поцеловав отца, с жадностью набросилась на еду. Отец с нескрываемым удовольствием любовался мной. Когда я позавтракала, он нежно притянул меня к себе.

– Люда мне сказала, – начал он своим ласковым голосом, – про твое несчастье, Нина! Бедный Смелый погиб в горах, но ты не горюй, моя девочка. Лишь только залечим твою руку, ты сможешь взять любую лошадь из конюшни взамен погибшего друга!

Едва он закончил фразу, я, испустив дикий крик радости, повисла у него на шее... Я, непривычная к ласке, буквально душила отца поцелуями и, обвивая своими тонкими руками его седую голову, лепетала сквозь взрывы счастливого смеха:

– Алмаза... папа, милый... Алмаза подари мне, папа... Алмаза!

– Нина! Радость! Джаночка моя, опомнись! – волнуясь, возразил отец, – как можно давать тебе Алмаза, который каждую минуту норовит сбросить всякого с седла... Ты не проскачешь на нем и одной мили, радость.

– Проскачу, папа! Солнышко мое, счастье мое, проскачу! Клянусь тебе высокими горами Кавказа и долинами Грузии, я усмирю его, папа! Усмирю! – хохотала я, как безумная, а в голосе моем дрожали рыдания.

После Люда рассказывала, что во время этой сцены глаза мои сверкали, лицо пылало ярким румянцем, губы и ноздри трепетали, как у дикого горного коня...

Вероятно, мои ласковые слова были так непривычны и странны, что отец невольно поддался их влиянию... Перед его внутренним взором, должно быть, воскресла другая девочка, нежная, как ласточка, кроткая и любящая, как голубка... Глаза его затуманились слезами, он затих и оставался неподвижен, с низко опущенной головой. Наконец, он обратил ко мне лицо, исполненное ласки и невыразимой грусти.

– Нина-джан! – нежно произнес он, – я дарю тебе Алмаза – он твой! Только прикажу казакам выехать его хорошенько.

Я вздрогнула, дико вскрикнула и метнулась из комнаты, забыв поблагодарить отца, не слушая слов Люды, кричавшей мне что-то... Мои мысли и душа были уже в конюшне, где стояли четыре казацкие лошади отца и, в том числе, он, мой Алмаз, свет очей моих, моя радость. Мне казалось, что я сплю и грежу во сне, до того неожиданным и прекрасным казалось мне мое счастье!

⁶ Квели – сыр.

Вместо упреков в гибели Смелого – нежное сочувствие и безграничная щедрость! Вместо погибшего четвероногого товарища – новый друг, о котором со сладким замиранием мечтала моя душа! Это был лучший конь отцовской конюшни, самая быстрая лошадь из всех, каких мне когда-либо приходилось встречать, гнедой красавец кабардинской породы.

Немудрено было обезуметь от восторга!

Старый денщик Михако попался мне на дороге.

– Счастье, Михако, большое счастье! – крикнула ему я и вихрем промчалась мимо озадаченного этой дикой скачкой солдата.

– Аршак! Аршак! – вопила я через минуту, ураганом влетая в конюшню и отыскивая нашего пятнадцатилетнего конюха, родного брата Маро, – Аршак, выводи Алмаза! Он мой! Он мой! Отец подарил мне его. Скорее, Аршак.

Аршак был моим приятелем. Когда Маро поступила к нам, она принесла в дом сиротку-брата, и с тех пор Аршак жил и воспитывался у нас – сначала верный товарищ моих игр, а после слуга отца.

С минуту он недоуменно смотрел на меня, потом его характерное восточное лицо, чуть испорченное оспой, расплылось в широкой улыбке.

– Бери Алмаза, душа моя, княжна-зоренька! Бери Алмаза! Алмаз хороший конь, не чета Смелому... Не выдаст, не сбросит. Бери Алмаза, добрый тебе будет товарищ Алмаз, барышня! – говорил он, бросаясь исполнять мою просьбу.

Я и без Аршака знала, что за прелесть мой новый конь. В три прыжка очутилась я подле гнедого красавца, отливающего золотом тонконогого кабардинца и, обвив смуглыми руками его тонкую породистую шею, зашептала:

– Алмаз мой! Ненаглядный мой! Алая заря майского восхода! Счастье дней моих! Лучезарное солнышко кавказской страны! Я люблю тебя! Я люблю тебя, мой единственный!

Гнедой кабардинец, казалось, понимал меня. Он косил на меня умным карим глазом и издавал тихое, ласковое ржание.

Люда застала меня, буквально повиснувшей на его гибкой шее.

– Я не одобряю поступка папы, – произнесла она серьезно, глядя на меня черными черешнями глаз, в которых затаилась вечная печаль, – раз ты загубила одного коня, я бы ни за что не дала тебе другого, Нина! Но не в том дело. Отец решил так, значит, надо ему повиноваться. Я пришла за тобой. Идем заниматься. Мы должны повторить еще раз французские глаголы неправильного спряжения. Идем!

Французские глаголы неправильного спряжения, когда жгучая радость охватывает вас!!! Когда карий глаз Алмаза косит на вас в ожидании скорой прогулки!!! Когда небо Гори улыбается так пламенно и ясно!!!

Французские глаголы неправильного спряжения!!!

О, зачем я не мужчина-джигит, не горный абрек и мне – увы! – только пятнадцать лет!

Глава третья

БАЛ. ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ТУР ВАЛЬСА

Прошло более двух недель со дня моего приключения в горах. Кости Смелого были, должно-быть, давно растащены стараниями голодных волков и чекалок; новый друг сменил в моем сердце погибшего коня. Алмаз сразу стал для меня незаменимым. Я гордилась им и лелеяла его. Конь был красив на диво и неспокоен, как настоящий дикарь. Я исподволь приучала его повиноваться мне и, странное дело, маленькой руке подростка Алмаз подчинялся охотнее, нежели сильным заскорузлым рукам наших казаков.

Приближалось 10-е мая – мой день рождения, мне исполнилось пятнадцать лет.

Я получила чудесные подарки от отца и Люды, а вечером отец устраивал в мою честь бал для русского и грузинского населения Гори.

Я не люблю балов, не умею танцевать и презираю светское общество, но не хотела возражать ради папы, который желал как можно скорее показать обществу свою почти взрослую дочку.

С обеда Люда и я нарядились в лучшие платья и приготовились к встрече гостей. На Кавказе темнеет рано, и немудрено поэтому, что в девять часов вечера в доме уже зажглись огни... Сонная Маро расставляла по углам парадных комнат пахучие кальяны. Микахо с двумя денщиками уставляли бесчисленные столики тяжелыми подносами со сладостями вроде сушеных фруктов, свежих персиков и восточных конфет; тут же ставились кувшины ароматного щербета и подслащенного ананасового питья. С этими чисто восточными лакомствами соседствовали европейские – петербургский шоколад и московские конфеты.

Аршак, туго затянутый в новый праздничный бешмет, с осиной талией и в лихо заломленной на бок папахе неслышно скользил по ковру в новых мягких чувяках. Люда расставляла на чайном столе всевозможные печенья и варенья, которые составляли неотъемлемую принадлежность нашего дома.

Я бесцельно слонялась в своем нарядном платье и не знала, куда определить себя. Нарядное платье жало под мышками. Грудь теснило от непривычной шнуровки. И платье, и шнуровка несказанно раздражали. Сорвать бы все это и облачиться в любимый верховой бешмет с продранными локтями!

С недовольной гримасой, красная и надутая, я попала на глаза отцу. Не замечая моего раздражения, он ласково удержал мою руку и, заглянув в глаза, нежно сказал:

– Совсем, совсем взрослая барышня. Невеста!

Я нахмурилась. Я не любила, когда говорили так. Барышня... Невеста... Я находила нечто оскорбительное в этих словах.

Но папа, по-прежнему не замечая моего настроения, продолжал взволнованным голосом:

– И какая ты стала красивая, Нина! Очень красивая...

И такой тебя увидит сегодня весь Гори. Постарайся же быть милой, любезной хозяйкой, дитя! Сбрось свою обычную застенчивость, хотя бы на время. Не дичись. Будь настоящей молоденькой хозяйкой. Не правда ли, ты постараться доставить мне удовольствие, Нина?

Доставить ему удовольствие? О, чего бы только ни сделала я, чтобы он был доволен! Я охотно дала бы отрезать свою правую руку, лишь бы согнать это облако печали, которое почти никогда не сходило с его лица. Но как же трудно, как ужасно трудно для меня быть любезной и милой с его напыщенными и надутыми гостями!

– Я постараюсь, отец! – пообещала я, наскоро поцеловав его большую белую руку и, чтобы отец не успел заметить охватившего меня волнения, поспешно вышла в сад.

Излишне говорить, как я была недовольна и ожидаемым балом, и предстоящей мне ролью молодой хозяйки, в чьи обязанности входило занимать всех этих барынь и барышень, которые должны были приехать из Гори, Тифлиса и Мцхета, пышно разряженных и надутых так обильно и резко, что у меня всегда кружится голова.

«И к чему этот бал? И к чему гости? – внутренне негодовала я. – Лучше бы, вместо бала, отпустили меня в аул к дедушке Магомету!.. Славно у него там, в Дагестанских горах! Скалы террасами упираются в небо, громоздясь до самых облаков... Бездны, словно черные чудовища с раскрытой пастью, стерегут добычу. Там не надо носить узкого корсета и длинного платья, в которое с некоторых пор особенно старательно затягивает меня Люда. Там мои шальвары, пропитанные лошадиным потом, и разорванный костюм были бы к месту! Там живет старый наиб, второй мой дедушка, бек-Мешедзе, отец моего отца, но враг нашей семьи. Там красавица Гуль-Гуль, моя младшая тетка, сестра отца, распевает от зари до зари веселые песни. Там старшая тетка Лейла-Фатьма, о которой я слышала так много странного, открывает будущее посредством гаданья. Там джигитовка и лезгинка сменяют на закате солнца трудовой день. Ах, хорошо там! Чудесно!»

Я взглянула на небо... Молодой месяц, прячась в облаках, словно украдкой посылал свой свет в чинаровую рощу.

«Вот этот самый месяц! – думала я со сладким замиранием сердца, – светит и над аулом Бестуди, родным аулом моего покойного отца и моей красавицы-матери, откуда они убежали оба, чтобы стать русскими... Что им понравилось в жизни русских? Не понимаю. Будь моя воля, сейчас же я сбросила бы этот нежный, как белое облако, бальный наряд и заменила его грубым суконным бешметом лезгинских джигитов. Я распустила бы мои черные косы и лезвием кинжала срезала волосы. Я бы стала ходить, как мальчишки, и никто не узнал бы сиятельной барышни, обреченной на зубрежку французских глаголов. Аул Бестуди, сакля моей матери и родина Керима! О, зачем я так далеко от вас!

Родина Керима!

Керима?

Где теперь этот Керим? Куда забросила его бродячая жизнь душмана? Не сдержал он своего слова. Не пришел в гости. Забыл. Какое ему дело до новой куначки – скромной уруски девочки-подростка? Ему, известному своей отчаянной храбростью от Куры и Арагвы до Риона, до шумной Койсу и других истоков Аварской страны!»

– Нина! Нина! – послышался голос Люды с балкона, – иди скорее! Гости съезжаются!

Тотчас воспоминания и грезы оборвались, как тонкая нить, и неизбежная действительность явилась мне во всех своих постылых подробностях.

Я и не заметила, как прошло время, как наш старый дом, всегда несколько пустынный, ожил и преобразился.

Теперь в окнах мелькали нарядные дамские туалеты и обшитые золотыми галунами мундиры военных.

– Нина! Нина! Где ты? – в голосе Люды слышится самое настоящее отчаяние.

– Шалунья Нина! Маленькая дикарка! Вот постой, я отыщу тебя! Будет тебе прятаться в темноте! Мы ждем тебя, маленькая сирена! – присоединился к призыву Люды звучный, сочный женский голос.

О, я знаю этот голос. Хорошо знаю! И боюсь, и не люблю его. Княгиня Тамара Соврадзе, урожденная княжна Кашидзе, которая любит – и умеет! – подшутить над моим дикарством.

Тамара Соврадзе показалась в одном из окон. Она смотрела в сад, сощутив близорукие глаза. Неужели она высматривает меня? Зачем? Должно быть, от скуки...

Так или иначе, едва я вошла в ярко освещенный зал, Тамара завладела мной.

– Покажись! Покажись-ка! – кричала она, тормоша меня и поворачивая во все стороны.

Очень, очень мило! Вы с большим вкусом одели девочку, милая Люда! Очень, очень мило. Но этот мрачный вид... Этот трагический вид не идет к танцевальному вечеру, дорогая Нина! Перемените его! Перемените скорей, маленькая дикарка.

Зачем она говорит по-французски? Я не люблю французского языка, потому что понимаю его не лучше конюха Аршака, хотя Люда прилагает немало стараний, чтобы выучить меня этой светской премудрости... То ли дело лезгинский язык! Сколько в нем музыки и поэзии! Он сладок, как голос буль-буля, как серебряная струна чонгури или звон горного ручья.

И ведь Тамара никогда не говорила по-французски, пока не вышла за старого, толстого князя Соврадзе. Удивительно, как положение меняет людей!

– Улыбнись же, девочка. У тебя замечательно красивые зубы, а ты будто нарочно прячешь их ото всех! – продолжала мучить меня несносная Тамара, подняв за подбородок мое лицо.

Словно я маленькая девочка! Впрочем, фамильярный жест княгини и мне позволяет рассматривать ее лицо, и я не без злорадства отмечаю признаки увядания. На востоке женщины старятся рано, а Тамаре уже минуло тридцать лет.

– Мадемуазель не достаивает нас своей улыбкой! – послышался за моей спиной гор-
танный картавый говор, – мадемуазель слишком горда.

Оборачиваюсь. Стоит об руку с дочерью горийского судьи, зеленоглазой Мари Воронковой, адъютант папы, Сергей Владимирович Доуров, армянин по происхождению и самый несносный человек в мире, какого я когда-либо встречала. Упитанное, самодовольное лицо расплылось в фальшивой улыбке. Глаза неприятно щурятся за золотым пенсне.

Мари Воронкова хихикает, точно Бог весть какую умную фразу сказал ее кавалер.

Душа моя немедленно закипает гневом. Да как он смеет так щуриться и улыбаться! Говорить со мной, как с ребенком? Дерзко глядя ему в глаза, громко говорю, отчеканивая каждое слово:

– Вам я не считаю нужным улыбаться!

– А почему, смею спросить? – позеленев от злости, Доуров старается сохранить, как говорят, хорошую мину при плохой игре.

– Да хотя бы оттого, что вы мне неприятны! – громко расхохотавшись, почти в голос кричу ему я и, как ни в чем не бывало, отхожу к окну, очень довольная своей местью.

– *Enfant terrible!*⁷ – шепчет мне вслед Тамара.

– Просто невоспитанная девчонка! – роняет дочь горийского судьи, обиженная за кавалера.

Но я не обращаю внимания на все это. Мимо меня проходит Андро. Князь Андро Кашидзе. Брат Тамары и мой дальний родственник. Я очень люблю этого человека, потому что он не похож на других.

– Кузен Андро! Кузен Андро! – шепчу я, подите сюда.

Он растерянно останавливается посреди залы, недоумевая, откуда слышится шепот. Потом открытая улыбка освещает его умное некрасивое лицо. Заметив меня, Андро подходит.

– Та-та-та! Вот вы где, маленькая кузина!

– Андро! Милый Андро! Вы любите Доурова? – Хватая его за руки, спрашиваю я.

– Адъютанта? Б-р-р-р! – говорит он тихо и внушительно, сопровождая свои слова такой комической гримасой, что я покатываюсь со смеха.

⁷ *Enfant terrible* – ужасное дитя.

– Так подите и укусите его от меня! – хохочу я, как безумная, и так ужасно разеваю рот, что проходившие мимо полковые барыни отскакивают от меня, как от дикой лошади, которая собралась лягаться.

– Что вы, что вы, маленькая кузина! Не заставляйте меня играть роль хищной чекалки! – В тон мне, дурачась, отказывается Андро.

Милый Андро! Он один умеет любить меня! Он один сочувствует мне за это длинное платье, в котором я глупо и бестолково путаюсь каждую минуту, и за ненавистную узкую шнуровку... Милый Андро! Как я люблю его!

Я готова расцеловать это бледное рябое лицо, изувеченное багровым шрамом, и его коричневые, заскорузлые, как у осетина-работника, руки! Но я только шепчу с тоской:

– Как мне скучно, Андро!

– Что вы! Что вы! Нареченная знатная дочь богатого генерала, для которой вся жизнь должна быть дивной сказкой, вдруг жалуется на скуку и – когда же? В день своего рождения, на веселом балу, устроенном в ее честь. Опомнитесь, Нина, что с вами?

– Моя жизнь – скачка в горах, Андро! Я хочу в горы! – шепчу я с отчаянием, и лицо мое, должно быть, выражает самое неподдельное горе, потому что Андро беспокойно топчется на месте и бормочет, будто ему приходится утешать совсем глупенькую маленькую девочку:

– Сейчас начнут танцевать! Сейчас! Сию минуту!

Танцевать! Так вот чем он думает меня утешить...

Люда проходит мимо с двумя дочерьми командира казачьей сотни и знаком подзывает меня к себе.

– Займи барышень, Нина. Будь любезной хозяйкой, – шепчет она чуть слышно.

Меня точно водой облили.

«Займи барышень!» – Хорошо ей говорить это! Я решительно не знаю, о чем говорить с ними и чем их занимать. Обе розовые, упитанные, всем довольные толстушки...

– Какие у вас прелестные глазки, княжна! – говорит старшая из сестер, Тони.

– И зубки! Ах, чудо! Когда вы улыбаетесь, вы просто душончик! На вашем месте я улыбалась бы каждую минуту, – вторит младшая, от которой несет как раз теми крепкими пряными духами, которые я всей душой ненавижу. Мало того, барышня чмокает меня в щеку!

Я не терплю поцелуев. Чтобы как-нибудь обуздать неуместный восторг барышень, начинаю хвалить моего Алмаза.

– Славный жеребец! – говорю я, ухарски ударяя себя по колену.

Они смущаются, краснеют и потупляют глаза. Моя мальчишеская манера выражаться вовсе им не по вкусу.

– Вы любите кататься верхом, княжна Нина? – спрашивает одна, искренне стараясь скрыть неприятное впечатление, произведенное моею выходкой.

– Еще бы не любить! – восклицаю я. – Да я готова день и ночь не расставаться с моим Алмазом, спать у его ног в конюшне, есть черный хлеб с солью, который он ест...

– Но в конюшне так дурно пахнет! – говорит старшая, Тони, и брезгливо морщит хорошенький носик.

– Пахнет навозом, – преувеличенно громко выкрикиваю я, внезапно избавляясь от моей обычной застенчивости. – О, это самый здоровый воздух, уверяю вас! По крайней мере от него не кружит голову, как от ваших модных духов... Честное слово!

– Боже! – шепчет в отчаянии вторая из сестриц, Лиза, с неподдельным ужасом уставясь на меня сквозь лорнет своими близорукими глазами.

Я внутренне хохочу над ними. Душа моя ликует. Заняла гостей, нечего сказать! Долго будут помнить...

Звучные, радостные, ошеломляюще-тревожные звуки вальса наполняют зал. Два казака-офицера из подчиненных отца подходят к нам. Но их опережает Доуров.

– Un tour de valse, мадемуазель! – картавит он, расшаркиваясь передо мной.

Я хочу сказать ему, что не желаю танцевать этого дикого танца, который называется вальсом, что я ничего не умею танцевать, кроме родной моему сердцу лезгинки. Но – увы! – уже поздно! Блестящий адъютант в мгновение ока обвинил рукой мою талию и, не слушая моих протестов, понесся, увлекая меня за собой по зеркально натертому паркету.

Мои ноги, выделявая в воздухе какие-то необъяснимые словами антраша, тщетно старались найти опору. На лице, красном от гнева, помимо моей воли, сменяли друг друга неприятные и комические гримасы. Я действительно не умела ничего танцевать, кроме лезгинки, несмотря на все старания Люды обучить меня этому трудному искусству. Очевидно, Доуров знал это и умышленно ставил меня в глупое и смешное положение, – в отместку за брошенное ему в лицо оскорбление.

Вокруг нас сдержанно хихикали и смеялись. Дочь горийского судьи, сестрички-барышни и прочие полковые и городские дамы, не исключая и насмешницы Тамары, откровенно хохотали, закрыв лица веерами.

Наконец, Доуров, вероятно, считая себя вполне отомщенным, опустил меня на тахту, в самый цветник блестящих барышень и дам.

Я видела, что надо мной смеялись, и душа моя рвалась на тысячу частей. Но я была слишком горда и самолюбива, чтобы показать себя обиженной и оскорбленной.

Кто-то поблизости сказал шепотом, однако достаточно громко, чтобы я могла расслышать:

– Бедная девочка... Я не хотела бы быть на ее месте.

О, это было уже слишком!.. Моя восточная кровь, лезгинская кровь бешено закипела во мне. Я вспыхнула до корней волос.

Увидев проходившего мимо Андро, я крикнула звенящим от волнения голосом, дрожа от затаенного гнева, оскорбленного самолюбия и стыда:

– Князь Андро! Прикажите музыкантам играть лезгинку. Я покажу им всем, как пляшет танец своего народа прирожденная лезгинская княжна, Нина бек-Израэл.

Глава четвертая

МОЯ ЛЕЗГИНКА. ОТЧАЯННАЯ СМЕЛОСТЬ

Вот она, песня восточного неба, песня глубокой, как море, бездны, песня восточной звезды!

Сорвать со стены бубен, выбежать на середину комнаты и встать в позу было делом одной минуты. Душа моя кипела и волновалась одним страстным желанием, одной безумной жаждой доказать всем им, этим напыщенным, скучным господам, что Нина бек-Израэл, дикое, некультурное, по их мнению, дитя природы, может быть на высоте своего призвания. О-о!

Поднимаю бубен над головой и, вертя его так, чтобы все звонкие колокольчики разом запели серебряную песнь звящего ручья, пускаюсь в пляску. Ноги бесстрашно скользят на зеркале паркета... Воздушное платье стелется облаком... Тяжелые косы бьют меня по плечам и спине... Темп лезгинки нарастает.

Подобно белой птице с черными крыльями, я лечу, почти не касаясь пола, по кругу и не узнаю наших гостей, кажется, зачарованных моей пляской... Легкий одобрителный шепот, как шелест ветра в чинаровой роще, перелетает из конца в конец зала... Старики отошли от карточных столов и присоединились к зрителям. Отец пробрался вперед, любуясь мною, он восхищен, горд, я слышу его ободряющий голос:

– Молодец, Нина! Прелесть как хорошо! Прелесть!

Адъютант Доуров тоже здесь. В вихре пляски успеваю рассмотреть его отвратительно упитанное, самодовольное лицо и... откровенный восторг, какого никогда прежде не видела я на этом лице.

«Ага! – мысленно торжествую я, – что, нравится пляска дикарки-княжны? Той самой дикой горянки, над которой все вы только что смеялись!.. Жаль только, что у меня нет кавалера под стать» – и я оглядываю круг гостей.

Вот стоят молодые хорунжие и сотники из казачьих батарей, подчиненных моему отцу. Я знаю, что они могут станцевать лезгинку, но разве они спляшут так, как бы мне хотелось? Нет, тысячу раз нет! Этот полный огня и беззаветной удали танец они пляшут по-маскарадному, с бьющими на театральный эффект движениями, по-офицерски! Только истинный сын дагестанского аула умеет плясать по-настоящему нашу дивную лезгинку...

И тут я замечаю среди гостей новое лицо... Кто он – этот красивый перс с длинной бородой, в пестром халате и остроконечной характерной шапке, какие часто встречаются на улицах и базарах Эривани? Отчего в этом смуглом величавом лице с горбатым носом и насмешливыми губами мне мерещится что-то знакомое?

Наши взгляды скрестились... и – не раздумывая, безотчетно, неожиданно для себя самой, я бросаю бубен в сторону незнакомого перса, неожиданно явившегося на нашем балу... Он ловко подхватывает его с налета и, прежде чем кто-либо мог ожидать этого, выбегает на середину зала...

– Кто он? Кто он? – перешептываются гости.

Но не все ли равно им, кто он?

Кто бы он ни был, этот перс, но он хочет помочь мне, – хочет плясать со мной лезгинку. Кому какое дело до всего остального?

Музыканты, предвосхищая увлекательное зрелище, сразу взяли стремительный темп. Закружилась, закипела, завертелась новая, горячая, как огонь, и быстрая, как зарница, удалая лезгинка. Извиваясь змеей, порхая птицей, носился, увиваясь подле меня, незнакомец-перс. Казалось бы, чуждой ему пляской дагестанских племен он владел в совершенстве, больше того – этому человеку были ведомы и жаркий темперамент лезгина, и ловкость настоящего

джигита. Это была целая поэма Востока с прохладой чинаровых рощ, соловьиными трелями, розовым ароматом... Перс кружил вокруг, то настигая меня – свою даму, то отступая и давая мне дорогу с тем врожденным рыцарством, без которого нет настоящей лезгинки. Я прикрыла глаза, упоенная, обессиленная танцем. На какое-то мгновение смуглое лицо перса приблизилось, горячее дыхание обдало мою щеку...

– Княжна Нина! Я сдержал свое слово, – спокойно сказал незнакомец, и я узнала этот голос!

В ту же минуту черная борода и остроконечная шапка упали к моим ногам. Персидский халат соскользнул с плеч танцора, и ага-Керим-бек-Джамал, горный душман, предстал перед всеми во всем своем удалом бесстрашии и красоте.

– Керим! Керим! – не своим голосом, испытывая восторг и страх одновременно, закричала я. – Керим-ага, возможно ли! Вы?

– Я! – твердо отвечал молодой горец, скрестив на груди руки, бесстрашно дразня своей дерзостью наших разряженных и напыщенных гостей.

Возникло замешательство. В дамском кружке послышались испуганные восклицания, плач.

– Держите! Держите его! Это разбойник! Душман! Грабитель! – на разные голоса слышалось в зале.

Мой отец первым кинулся к Кериму. За ним бежали оба денщика. Мое сердце замерло. Но Керим уже стоял на подоконнике.

– Старый князь Джаваха! – прокричал он, – ты плохо знаешь адаты восточной страны. Гость – священная особа. Не забывай этого!

– Молчи, разбойник! Или... – и мой отец, сорвав со стены револьвер, взвел курок...

– Ради Бога, папа! Ради Бога! – с отчаянным криком бросилась я к нему.

– Керим мой гость! Я не допущу, чтобы его убивали...

– Что?!

Черные, всегда такие добрые глаза моего отца вспыхнули гневным недоумением.

Вероятно, мое лицо лучше всяких слов объяснило ему мое состояние, он легонько оттолкнул меня и с поднятым револьвером двинулся к окну.

Керим все еще стоял там, скрестив руки на груди. Его поза выражала лишь беспечную удаль, но глаза метали молнии... Ноздри тонкого носа и губы трепетали, как у дикой лошади. Никакого оружия не было у него в руках... Кинжалы оставались заткнутыми за пояс.

«Они поймают Керима... Они его изувечат». Я бестолково металась по залу, пытаюсь помешать преследователям Керима и крича:

– Ради Бога, Керим! Ради вашего Аллаха! Спасайтесь! Или...

Ко мне подлетел адъютант Доуров с перекошенным от злости лицом.

– Так вот как, княжна! – прошипел он – так вот как! Вы потакаете разбою, вы укрываете душмана! Прекрасно, очаровательно, помогать душегубу! Каину!

Кровь бросилась мне в лицо. Точно меня ударили хлыстом или нагайкой!

– Молчать!.. Вы! Как вас там! – кричала я в истерическом иступлении. – Как вы смеете оскорблять меня! Керим не душегуб и не Каин. А вы... вы!.. О, как я вас ненавижу!

Когда отец властным жестом прекратил безобразную перебранку, на окне уже никого не было. Лишь прошуршали в саду кусты азалии, росшей под окном.

Слава Богу! Керим был вне опасности. Я облегченно вздохнула...

Но тут же приказание отца повергло меня в новую тревогу.

– Пять тысяч рублей награды тому, кто поймает разбойника и доставит сюда живым! – гремел его командирский голос.

Тотчас оба вестовых казака, старый Михако и юный Аршак, вслед за молодыми хорунжими и князем Андро кинулись в сад.

Не помня себя, я бросилась за ними.

– Андро! Андро! – умоляла я, цепляясь за длинные полы его мундира, – вы не погубите его, Андро! Вы не тронете его! Он – мой гость, мой кунак! О, Андро! Не давайте его в обиду, во имя Бога, или вы не друг мне, Андро! Не друг!

– Опомнитесь, Нина! Опомнитесь, безумное дитя! Что с вами?

Я рыдала без слез. Как стонет с голоду волчица, как стонет горный джейран, загнанный охотниками.

– Горе мне! – повторяла я. – Горе мне! Я его выдала! Я его предала! О, глупая, тупоголовая, жалкая девчонка! Не сумела сдержать своего порыва! Не сумела скрыть своего изумления! Раскудахталась, как глупая курица! О, гадкая, слабая, малодушная девчонка!

Я билась на мокрой от росы траве, рвала на себе платье и волосы, проклиная невольную вину. Не знаю, долго ли продолжался мой припадок, я пришла в себя, когда чья-то сильная рука опустилась мне на плечо.

Передо мной стоял мой отец...

Нет, не прежний, – милый и снисходительный человек, всепрощающий отец, добрый и неизменно приветливый князь Георгий Джаваха, каким его все знали не только в нашем доме, но в целом Гори.

Нет. Этот седой величавый генерал с гордой осанкой, с сурово сдвинутыми бровями и мрачным взглядом не мог быть мне отцом, – только судьей.

– Нина! – произнес он сурово, – должен ли я объяснять тебе, что ты поступила нечестно?

Если бы мне сказал это кто-либо другой, я сумела бы ответить. Но перед ним я молчала, должна была молчать.

– Ты поступила нечестно, – продолжал он неумолимо, – ты обидела твоего старого отца. Ты обидела, огорчила и оскорбила меня. Больше того: ты осрамила меня на целый Гори. Дочь всеми уважаемого, честного служаки, боевого генерала, оказывается, ведет тайную дружбу с опаснейшим из окрестных душманов, с грабителем, вором, убийцей!

– Это неправда! Неправда, папа!

– Молчи! Что знаешь ты? Дитя! Ребенок! Я прощаю шалости... Прощаю дикий нрав, Нина..., но не ложь... Но не ложь, клянусь тебе Богом! Лжи я не прощу.

– Я не лгала тебе, отец! Я не умею лгать, – воскликнула я в отчаянии.

– Ты скрыла от меня. А это разве не тоже самое, что и ложь, Нина? – заметил он строго. – Где ты встретила Керима? Где познакомилась с ним?

– В Уплис-цихе, отец! – сказала я твердо, – в пещере... во время грозы. Он спас меня, вытащил из бездны, в ту ночь, когда я вывихнула руку и потеряла Смелого.

– Я не верю тебе, Нина, – укоризненно покачивая головой, произнес он, – ты нарочно говоришь так, чтобы я был снисходительнее к Кериму. Разбойник не выпустил бы тебя из своих рук без выкупа, без пешкеша...

– Но то разбойник, а ведь Керим не настоящий разбойник, папа, – пробовала возражать я.

Но отец не слушал или не слышал меня. Лицо его оставалось суровым и мрачным...

– Не лги, Нина! Не унижай себя. Я не поверю тебе. Я не забуду твоего поступка. Ты открыто держала сторону этого бродяги и шла против меня, твоего отца, который... который...

Справившись с волнением, отец подвел итог, заканчивая разговор тоном, не допускавшим возражений:

– Ты уже не маленькая, чтобы наказывать тебя. И я слишком слабый отец, чтобы подвергать тебя наказанию. Одно я могу сделать – не видеть тебя. Да, я не хочу тебя видеть до тех пор, пока ты не откроешь мне всей правды. А теперь ступай. Сейчас наши поймают

Керима и доставят его сюда. Я не хочу, чтобы ты была свидетельницей этого. Ступай к себе и жди моих приказаний.

«Поймают Керима! Поймают Керима! О! – мысленно шептала я. – Силы светлые и темные! Вы, нежные ангелы горийского неба! Вы, черные духи кавказских ущелий, помогите ему! Дайте его ногам быстроту ног горного тура! И сильный размах орлиного крыла! Святая Нина Праведница, в честь которой мне дано мое имя, услышишь молитву дикой, ничтожной девочки. Спаси его! Спаси его, святая Нина! Сними тяжесть укора с моей души. Не дай ему погибнуть из-за меня, которая не достойна обуть ему ногу сафьяновым чувяком... Спаси его! И я vyšью золотую пелену на твой образ в тифлисском храме, я, не умеющая держать иглы в руках и ненавидящая рукоделие всей душой!»

Низко опустив голову, я медленно поплелась по длинной чинаровой аллее. Странно, ни упреки моего отца, ни его гнев, которые привели бы меня в отчаяние в другое время, сегодня не произвели на меня большого впечатления. Потому, должно быть, что все мои мысли, все мои желания были направлены на другое: лишь бы успел скрыться Керим, лишь бы преследователи не настигли его.

Большинство наших гостей, испуганных происшествием, поспешили уехать. Те из них, кто замешкался, не успев собраться, толпились сейчас в наших просторных, по восточному обычаю устланных коврами, сенях. Мое измятое, перепачканное платье, растрепанные косы и измученное лицо были восприняты здесь, разумеется, как ужасающее нарушение приличий. Ах, какими красноречивыми были молчание этих людей и недоумевающие взгляды!

Когда я шла сквозь анфиладу опустевших комнат, торопясь пройти к себе, мне встретилась Люда.

– Боже мой, Нина! В каком ты виде!

Я пожала плечами и отрезала коротко и грубо:

– Отстань от меня! Какое тебе дело!

В моей комнате, куда я скрылась от ненавистных взглядов, усмешек и вопросов, было свежо и пахло розами. Я подошла к окну, с наслаждением вдыхая чудный запах... Покой и тишина царили здесь, в саду, в азалиевых кустах и орешнике... Прекрасно было ночное небо... Почему, почему среди этой красоты моей душе так нестерпимо тяжело?

«Господи! – молила я это темное небо. – Господи, сделай так, чтобы его не поймали. Сделай так, Господи! Сними бремя с моей души!»

Я никогда не отличалась особенной религиозностью, но сегодня я молилась истово. Я вполне сознавала себя виновницей несчастья и вследствие этого страдала вдвойне. Воображение рисовало ужасные образы. Мне казалось – вот-вот слышится конский топот, вернутся казаки и приведут связанного по рукам Керима, избитого, может быть, окровавленного... Я вздрагивала от ужаса...

Уже не в воображении, а наяву царственную тишину ночи нарушает конский топот. Отряд, посланный отцом, возвращается... Они все ближе, можно различить отдельные людские восклицания и голоса. Вот оживленный голос князя Андро, а этот ненавистный – Доурова...

– Княжна, вы?

Мое белое платье, четко выделяясь на фоне темного окна, бросилось им в глаза.

Несколько всадников отделились от группы и подъехали к моему окну.

– Ну, что? – предательски срывается мой голос.

Впереди всех Доуров. Глаза горят, как у кошки в темноте. Однако обычно самодовольное лицо выражает сейчас разочарование и усталость. По одному выражению этого лица можно понять, что их постигла неудача. Я торжествую.

– Ну, что? – повторяю свой вопрос уже без страха.

– Улизнул разбойник! – признается ненавистный адъютант, – но даю вам мою голову на отсечение, княжна, что не дольше, как через неделю, я его поймаю, и он получит по заслугам.

– Боюсь, что вы останетесь без головы, Доуров, – усмехаюсь я, не скрывая злорадного торжества.

– Посмотрим! – хорохорится он.

– Посмотрим! – в тон отвечаю я и, расхохотавшись ему в лицо, с шумом захлопываю окно.

Господь услышал мою молитву – Керим вне опасности.

Глава пятая

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ. ХАДЖИ-МАГОМЕТ. Я УЕЗЖАЮ

Четвертый день, как на меня сердится отец. В первый день, проведенный в тревоге за Керима, я просто не могла осознать случившегося. Отец не хочет видеть меня!

Я подхожу к нему – пожелать доброго утра... Он спрашивает о моем здоровье и целует в глаза – так принято, заведено, установлено, но в голосе нет и следа прежней нежности, во взгляде – ни единого ласкового лучика. Он больше не называет меня ни своей звездочкой, ни своей малюткой. И это он, папа, мой дорогой папа, по одному слову которого я охотно отдала бы жизнь! Мне хочется подойти к нему, спрятать лицо на его груди и сказать ему все: про мои сомнения и грезы, непонятную ненависть к французским глаголам и размеренной жизни, но язык не повинуется мне. К чему говорить? Папа все равно не поймет меня. Никто не поймет... Я сама себя порой не понимаю. Я знаю только одно: судьба совершила роковую ошибку, создав меня женщиной. Если бы я была мужчиной!

Я страдаю. Ужасно страдаю. После обычных утренних занятий с Людой я целые дни слоняюсь по саду и дому, как потерянная. Люда как будто не замечает, что со мной творится. Она по-прежнему удивительно спокойна, наша безупречная Люда с ее ровным, как ниточка, пробормом, с тихой грустью в прекрасных глазах. Но я знаю, что и Люда недовольна мной... И не только Люда, но и Маро, и Михако – словом, все, все. Маро, когда приносит по утрам кувшины с водой для умывания, укоризненно покачивает головой и заводит разговоры о том, как неосторожно и предосудительно – водить дружбу с разбойниками... Наверное, это не только смешно, но и трогательно, однако, нестерпимо раздражает меня.

Я считаю себя несчастнейшим существом в мире хотя бы потому, что родилась не в лезгинском ауле, а под кровлей аристократического европейского дома. Не правда ли, странно – страдать от того, чему многие завидуют?

На пятый день я, наконец, не выдерживаю неестественного напряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.